

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ БРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Журнал, который помогает

**№ 6
2008**

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ О НРАВСТВЕННОСТИ, СВОБОДЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

А.С. Запесоцкий, В.Г. Иванов

В жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева нравственность, свобода и патриотизм составляли неразрывное целое.

В основе нравственности, по Лихачеву, лежит ограничение, которое начинается со слова «нельзя». Нравственность ограничивает произвол, который не разумие легко смешивает со свободой, подменяя принцип «я должен» принципом «я хочу».

Там, где существует культура самоограничения, наступает возможность и для существования подлинной нравственности как свободы мыслить и поступать. И Дмитрий Лихачев, с молодых лет воспитавший в себе подлинного интеллигента, был свободным человеком, даже находясь в заключении.

Нравственность в понимании Д.С. Лихачева изначально противостоит идеологии как тому, что навязано извне, потому что подчиняет человека, превращая его в марионетку,

в «винтик», которого, пожалуй, можно назвать принципиально безнравственным. И точно так же нравственность противостоит власти, в какой бы форме — деспотичной или демократичной — она ни проявлялась. Цель нравственной свободы — деятельное добро, которое проявляется в любви к человеку, в уважении достоинства и чести человека. Добродеяние есть сама суть нравственной свободы. Сознательная сила добра проявляется многообразно

ОБ АВТОРАХ

◊ ЗАПЕСОЦКИЙ А.С., ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, академик Академии наук и искусств (Париж), лауреат премии Правительства РФ в области образования (2007 г.), Заслуженный деятель науки РФ;
◊ ИВАНОВ В.Г., профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный работник высшей школы РФ

и всесторонне, что находит свое выражение в «языке добра»: милосердие, жалость, ласковость, забота, внимание, понимание...

Со студенческих лет до последних дней жизни Д.С. Лихачев мыслил и поступал нравственно свободно, каждый раз, особенно при сложных и непредсказуемых поворотах истории, занимая собственную позицию, независимо от того, совпадала ли она или (что было чаще) расходилась как с официальной точкой зрения, так и с общепринятой. Поэтому можно сказать, что главный нравственный урок, преподанный и завещанный нам Дмитрием Сергеевичем, — жить в согласии с собственной совестью, не кривить душой, не «приспособливаться к обстоятельствам», не оправдывать себя ссылками на то, что «такое было время» и «так поступали все». Д.С. Лихачев постоянно подчеркивал, что в жизни у каждого человека обязательно должно быть одно правило — прожить жизнь с достоинством.

XX век был веком жестоким, вызвавшим крутые перемены в мире и, пожалуй, особенно — в жизни России. Эти перемены спровоцировали кризис морали. И здесь вполне уместен вопрос: какой морали? На смену морали «гнилой интеллигенции» пришла революционная, марксистская, которая, по словам В.И. Ленина, не содержит «ни грана этики», получившая название «коммунистическая», основанная на принципе детерминизма в теории, а на практике нашедшая свое выражение в классовой борьбе. Новое, марксистское познание морали изначально отрицает ее «беспартийный», внеклассовый, общечеловеческий характер.

В полном соответствии определяющим принципам классовой морали формулируется лозунг, озвученный Максимом Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают». Эта новая, подробно охарактеризованная В.И. Лениным на III съезде комсомола мораль, получившая партийно-государственную поддержку после программного требования В.И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали», — становится целью системы коммунистического воспитания.

Система воспитания, опиравшаяся на идеалы коммунизма, на революционный энтузиазм труда-

щихся, не только «певших на собраниях» Интернационал, но веривших: «Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был никем, тот станет всем», десятки лет формировалась строителей коммунизма, готовых во имя прекрасного будущего выдерживать суровую действительность настоящего. Борьба на фронтах Гражданской войны, преодоление разрухи, восстановление на новых началах экономики, героизм первых «пятилеток», успехи советского народа способствовали укреплению морали, названной коммунистической.

«У советских собственная гордость — / На буржуев смотрим свысока!» — уверял «лучший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. Даже его самоубийство рассматривалось как нелепая случайность (со ссылкой на его же слова: «Кто, я застрелился? / Такое загнуло!»)

Вера в идеалы коммунизма, в возможность построить «бесклассовое общество», не только подкреплялась советской идеологией, реальными достижениями СССР, но и верой в непогрешимость вождя и учителя — никто не сомневался в том, что у нас к 1940 годам были построены «основы социализма», затем — «социализм», и наша страна оказалась по своим социальным достижениям «впереди планеты всей». Эта вера помогла выстоять в самой жестокой из войн XX в. — Второй ми-

ровой, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной...

Однако именно в суро-вое пятилетие 1941–1945 гг., сначала подспудно, как дополнительный идеологический момент, возродился старый русский патриотизм, озвученный в словах Сталина о «великих предках» — Суворове и Кутузове. Начавшееся возрождение, восстановление исторической памяти закрепляется в послевоенные годы. Новый подход к изучению истории и литературы, осмысление, а затем и закономерно приходящее чувство гордости за нашу тысячелетнюю (более того — двухтысячелетнюю) историю плавно и как бы незаметно «растворяет» советский патриотизм в патриотизме русском. В 1950-х гг. система коммунистического воспитания претерпевает существенные изменения: восстанавливается в правах теория нравственного воспитания — этика, разумеется, марксистско-ленинская. Потребовалось еще около тридцати лет, чтобы, освободившись от идеологического ограничения, этика как наука о нравственности и морали вернулась — окончательно — к своему общечеловеческому содержанию. Таков исторический урок, который необходимо усвоить и запомнить.

Очевидно, что с уровня современного нравственного и этического развития в начале XXI в. легко обли-

чать ошибки, просчеты, заблуждения на разных временных этапах XX в. Но общество нуждается не в подобного рода упражнениях, а в осознании истин, выстраданных историческим развитием. И поэтому прав Д.С. Лихачев: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками».

Д.С. Лихачев в размышлениях о нравственности менее всего похож на классного руководителя, который обличает, выговаривает, наставляет, напоминает о правилах поведения. Правда, в конце книги «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич счел необходимым объяснить свою позицию: «Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслил свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам».

Нравственность, нравственное пронизывают все

размышления Д.С. Лихачева, они оказываются не чем-то извне приложенным, прибавленным к его лингвистическим, философским, культурологическим суждениям, но органично им присущим. Дмитрий Сергеевич связывает нравственность и культурный кругозор; более того, для него эта связь — нечто само собой разумеющееся: «...каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. <...>...Будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее». Нравственность содержится в культуре, более того, «безнравственная культура» — словосочетание столь же бессмысленное, как «деревянное железо».

Для Д.С. Лихачева жизнь имеет смысл только как увеличение добра: «А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно слагается из многое, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. <...> Большая цель добра начинается с малого — с желания добра сво-

им близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов».

Особенностью этических взглядов, нравственных принципов, повседневного поведения академика была их **историческая соотнесенность**. То, что в них миг и вечность оказались нераздельны. Любая конкретная, сиюминутная нравственная оценка, нравственное суждение имели прочное историческое основание, а каждое историческое событие — современную нравственную оценку.

Приведем всего два примера. «Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов, профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то партийной линии».

И второй: «Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности».

Завершает Д.С. Лихачев рассказ о мужестве тех, кто не запятнал честь русского интеллигента взволнованно и с глубоким уважением:

«Мужество русской интеллигентии, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков. <...> Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохранили свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоисследовании, биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе учёные степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смею утверждать, что они не были интеллигентами в станинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полузнайства. Полузнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полузнайками на улицу!»

С глубоким уважением говорит Дмитрий Серге-

евич о А.А. Мейере, замечательном русском философе (1875–1938), семь лет проведшем в лагерях, но не эмигрировавшем, который «собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве».

Д.С. Лихачев убежден в том, что человек интеллигентный — это, прежде всего, нравственный человек. Впрочем, столь же твердо и обратное суждение: подлинно нравственный человек всегда интеллигент, ибо для него мыслить и быть нравственным — одно и то же.

И вновь — о репрессиях, но уже в «Воспоминаниях»: «Это теперь только отмечают как «особые» 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. «красного террора», а потом, как бы пульсируя, усиливались — усиливались в 1928-м, 1930-м и т. д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим «работникам» (например, около «Большого дома» в Ленинграде). Как же можно было не знать о терроре? «Незнанием» старались — и стараются — заглушить в себе совесть. <...> А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!..»

Нравственность, вера и сила мысли в единстве об разуют духовный фундамент человека, достойного называться человеком. Академик отрицает даже возможность какого-либо компромисса в нравственных отношениях. Здесь только либо-либо: либо нравственный, то есть достойный звания «человек», либо безнравственный (а имя таким — легион: ловчил, лжец, приспособленец, хам и т. п.), по сути недостойный называться человеком. И — никаких переходов: «немножко нравственный», «немножко безнравственный»: все смягчающие формулировки — лишь прикрытие безнравственной сущности.

Нравственный человек добр в поступках, но суров в суждениях и оценках. Доброта, однако, отнюдь не «добреный», «всепрощающий», «ссылающийся на то, что человек слаб, надо быть «снисходительным». Строгость нравственной оценки сближает позиции Д.С. Лихачева и поэта Константина Симонова, который в стихотворении «Друг-приятель» столь же бескомпромиссен.

И это не случайно: в дружбе нравственная ценность личности проявляется не только наиболее ярко, но и обретает исключительность: настоящая дружба — на всю жизнь. Недаром в фольклоре, в народных сказках, пословицах и в народной мудрости прославляется настоящая дружба.

Важным нравственным качеством дружбы, и не толь-

ко дружбы, — нравственным качеством человека является постоянство и связанная с ним надежность. Когда, при обсуждении кандидатуры на ответственную и беспокойную должность, скажут: «Он не подведет, он человек надежный», — это будет одной из самых существенных оценок.

Главное в воспоминаниях и размышлениях Д.С. Лихачева — человек. На страницах его книг ожидают не некие «тени прошлого», а люди, как правило, нравственно близкие,озвучные автору. И если он время от времени сетует на свою память — то именно там и тогда, когда не может вспомнить имени встретившегося ему на долгом, трудном и благородном жизненном пути человека, достойного доброй памяти.

Вспоминая сложные предвоенные и послевоенные десятилетия, Дмитрий Сергеевич подчеркивает: «Проработки» 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были, в какой-то мере, тенью показательных процессов конца 30-х гг. и учитывали их «опыт». Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками и прочей интеллигенцией. Один из ярких примеров — яростная борьба с «морганизмом-менделевизмом» (то есть с генетическим учением) на биологического-почвенном факультете ЛГУ в 1948–1950 годах. Виднейшие ученые — профессора, подобные Гербиль-

Д.С. Лихачев

скому и Полянскому, были подвергнуты публичному осуждению и изгнаны с факультета, где на некоторое время господствующее положение заняли воинственные невежды, подобные — недобрую памяти — поддержаным философам-догматикам, имена коих еще до конца XX века канули в Лету... И нечто подобное — менялись лишь имена — происходило и на других факультетах, особенно гуманитарных: философском, историческом, филологическом, всюду оказывались «свои»: либо настоящие ученые, либо псевдоученые, но «мастера проработок» и приписывания «идеологических диверсий»... Нет худа без добра: поскольку все «проработки» шли на партийных бюро и партийных собраниях, а «застрельщиками» оказывались коммунисты, уже в те годы началась объективная дискредитация коммунистической партии. Годы, внешне казавшиеся годами ее всемогущества, на самом деле обнаружили ее слабость. Сегодня, вспоминая события тех лет, можно сказать, что прав был

Д.С. Лихачев: без нравственного фундамента не может быть настоящей науки, как гуманитарной, так и естественной. А «нравственный фундамент» — не абстракция, а люди науки. И академик не случайно вновь и вновь говорит об ученых, которые были образцом нравственности. Вот его отзыв о своем старшем товарище в науке — Варваре Павловне Адриановой-Перетц: «Варвара Павловна <...> уделяла главное внимание моральному облику будущих ее членов [имеется в виду создавшийся В.П. Адриановой-Перетц Сектор древнерусской литературы в Ленинградском филиале АН СССР]. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе <...> Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В.Н. Перетца к своему учителю, Варвара Павловна придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не прощала измен своим руководителям, хотя бы и мелких».

По словам Д.С. Лихачева, В.П. Адрианова-Перетц была настоящим воспитателем молодых ученых — «Она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого,

соединить в своем лице две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего».

В рамках движения за сохранение культурного наследия России в одном ряду с В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачевым можно назвать и М. Ростроповича, и Г. Вишневскую, и А. Солженицына, и И. Бродского, и в некотором роде А. Галича, о чем свидетельствуют слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное

наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы» — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот

его суровый приговор: «Там, где попираются право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть».

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном, пусть медленном, но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д.С. Лихачева.

ИНФОРМАЦИЯ

ЛЕТО С «ИНТЕЛЛЕКТОМ БУДУЩЕГО»

Лето — пора отдыха и накопления здоровья, творческих идей, встреч с новыми друзьями. И позаботиться о летнем отдыхе нужно заранее. Хорошо отдыхать — значит отдыхать с пользой, так, чтобы было что вспомнить.

МАН «Интеллект будущего» предлагает летние проекты, о которых стоит рассказать отдельно. Общероссийская общественная организация Малая академия наук «Интеллект будущего» совместно с Центром развития образования, науки и культуры «Обнинский полис» разработала необычную форму детского отдыха — Российские летние оздоровительные интеллектуально-творческие Турниры.

«Восхождение звезды»

«Восхождение звезды» — такое красивое название у Международного интеллектуально-творческого Турнира, который состоится на Черном море, в солнечной Болгарии, недалеко от города Варна в районе курортного комплекса «Золотые пески». Срок проведения Турнира с 30 июня по 7 июля. Программа этого турнира рассчитана на учащихся 7–11 классов.

Основные направления работы: **МИР АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, МАТЕМАТИКА и ТРИЗ, НАУКА С УВЛЕЧЕНИЕМ** (биология, экология, психология).

Наука с увлечением (биология, экология, психология). В этой номинации серьезное внимание уделяют абитуриентам, для них организуются интеллектуально-творческие и предметные олимпиады по

биологии и экологии, психологические тренинги.

По итогам Турнира в личном и командном зачете выдаются дипломы 1, 2, 3 степени, свидетельства, сертификаты, призы.

Помимо учебного блока, в программу турнира входит представление делегаций, общеинтеллектуальные личные и командные конкурсы, олимпиады, соревнования: «Испытание команд», конкурс «Интеллектуальная мозаика», конференция «Первые шаги в науку», спортивно-творческий конкурс «Робинзонада», конкурс «Восхождение на олимп», «Академия творчества», интеллектуально-творческая игра «Квазар». Для педагогов предусматривается семинар «Творческая педагогика».

Окончание на стр. 16